

вительство, основываясь на трактате 1856 года, будет утверждено в полной безнаказанности, невозможно будет добиться от турецкой администрации, способной только на акты насилия, никаких реформ. Приходилось согласиться либо на полное погашение христианского населения Балканского полуострова, что было несогласно с интересами Европы и возмутительно с общечеловеческой точки зрения, либо ожидать и впредь периодических взрывов, опасных для общего мира.

Императорский Кабинет не считал возможным согласиться на такое положение вещей. Ему уже пришлось однажды остановить посредством решительного ультиматума турецкую войну, готовую возобновить в Сербии та же убийства, как и в Болгарии. Если постановления константинопольской конференции оставались бы лишенными всякой обязательности для турок санкции, то это могло только укрепить в них противодействие общим желаниям Европы.

В этих видах, Его Величество Государь Император повелел мобилизовать, на южных границах Империи, известную часть своей армии. Но ввиду неудачи, постигшей константинопольскую конференцию, равнее чем перейти к решительным мерам, Его Величество повелел осведомиться у всех кабинетов, принимавших участие в конференции, как они полагают поступить ввиду решительного отказа Порты подчиниться советам и желаниям Европы. На этот вопрос не было получено определенного ответа. Не трудно было заметить, что европейские правительства не рвутся прибегнуть ни к каким энергическим мерам и готовы возложить все упование на время, на благонамеренность Порты и на исключительно правительственное давление со стороны Европейских кабинетов.

Даже при обыкновенных условиях, такая уступчивость должна была бы укрепить в умах турецких министров убеждение, что Европа связала себя пухом трактата 1856 года, и что они могут с полной безопасностью пренебрегать ее постановлениями, оставаясь при своих старых порядках. Но при данной обстановке, при ожесточении борьбы, возбуждении страстей и фанатизма, следовало рассчитывать, что слабость, выказанная Европой, привлечет за собою не только продолжение на неопределенное время прежней системы административного террора, но что насилия и злоупотребления дойдут до еще больших размеров и кончатся либо полнейшим порабощением всех христиан, либо их истреблением.

В Лондоне была сделана еще одна, последняя попытка, дождавшаяся послужить Порте серьезным предостережением. Составленный по этому случаю протокол имел целью поддержать выражавшиеся на константинопольской конференции участие Европы к турецким реформам, засвидетельствовать обещания турецкого правительства, перечислять пункты, по которым оно признало на себя обязательства, и пригласить его добровольно вступить на указанный Державами путь преобразований. В противном случае, Державы, признавая, что существующий порядок вещей несовместим с всеобщими интересами, должны были сами подумать о способах, чтобы обеспечить улучшение быта христианских подданных Порты. Императорский Кабинет прибавил к этому декларацию, что если указанный протокол будет принят Портой, если будет заключен мир с Черногорией, если турецкое правительство заявит своими действиями решимость привести в исполнение реформы, и если убийства не будут больше возобновляться, то, Россия охотно вступит в соглашение с уполномоченным Султана, относительно демобилизации и разоружения.

От внимания Порты конечно не мог укрыться недостаточный решительный характер протокола. Державы не ринулись прибегнуть к какому-нибудь давлению или к какому-нибудь иному общему действию по отношению к турецкому правительству, они ограничивались предоставлением себе права только подумать о способах к обеспечению участи христиан. Сверх того, Лондонский кабинет считал нужным заявить, что если протокол не вызовет общего умиротворения, то он потеряет всякую силу. При подобных условиях нельзя было надеяться, чтобы Порта отнеслась к протоколу с большим уважением, тем более предвидящим заведением кабинетов. В это время Его Императорское Величество не признавая возможным оставаться долее в положении, которое не было ни миром, ни войной, которое оскорбляло чувство всякого русского и налагало на Россию обязательство без соответственного вознаграждения и без всяких видных результатов, Сам решился принять на Се-

бя применение понуждающих мер, без которых не было возможности найти никакого выхода. Государь Император повелел сообщить всем европейским кабинетам причины, в силу которых Ова берет за оружие, и указать на цели войны.

Общая цель заключалась исключительно в том, чтобы положить конец прискорбному порядку вещей, благодаря которому Восток оставался постоянным угрозой для всеобщего мира, и предотвратить такой порядок на будущее время, предоставив христианским подданным Султана такую гарантию, которая могла бы действительно их обезопасить от произвола турецкой администрации.

Императорский Кабинет ни на минуту не уклонился от этой цели. При самом открытии военных действий были поставлены условия на которых мы примем мир, если Турция будет его просить до перехода нами Балкан. Означенные условия были сообщены в июле 1877 года кабинетам Лондонскому и Виенскому, наиболее заинтересованным в вопросе, и обнародованы во всеобщее сведение. Читая их в настоящее время, не трудно убедиться, что они не отличаются существенно от поставленных Берлинского конгресса.

Во время войны, пока войска наши стояли еще под Иллемою, Императорский Кабинет снова сообщил кабинетам Берлинскому и Виенскому основания, на которых мы могли бы согласиться начать мирные переговоры, если бы Султан обратился к нам до открытия военной кампании. Наши требования были почти те же самые, как и в начале войны: они же послужили основанием для заключения перемирия уже после того, как наши победоносные войска перешагнули через Балканы и, пользуясь полным разгромом турецких сил, дошли до Адрианополя, а в Азии, взявши Карс, достигли уже Эрзерума.

Таким образом, основная, руководящая мысль политики Императорского Кабинета выдвигается сама собою и из предшествующих войн переговоров и из переговоров, которые велись во время военных действий и после них. Можно сказать, что эта мысль находилась в полном соответствии со всем ходом нашей политики в течение последних 20 лет. Наша политика никогда не ставила целью разрушить Османскую Империю. Хотя это мусульманское нашествие в Европу действительно представляется явлением не нормальным, не имеющим других оправданий, кроме силы оружия, но в течение своего четырехвекового существования оно пустило слишком глубокие корни для того, чтобы прекращение его не вызвало общего сотрясения на Востоке и в Европе. Наш Кабинет задался исключительно целью положить решительный конец возмутительному, с человеческой точки зрения, угнетению христиан — постоянной причиной смуты и опасности для общего мира.

В то время, когда всякое сопротивление турок было уже не мыслимо, и турецкое правительство должно было подчиниться всем решениям войны, наши армии снова приостановили под самыми стенами Константинополя свое победное шествие, и явили тем еще раз доказательство, что наше Правительство столь же твердо в своих принципах умиротворения, как и в своих христианских симпатиях. Постоянно обращаясь, в течение настоящего кризиса, к содействию Великих Держав, Императорский Кабинет подтвердил, что он несколько не забывает подчинить решение восточного вопроса видам личного честолюбия, что вопрос должен быть разрешен в Европе, а не в Турции, всеми державами и согласно общим интересам. Но во то же время было желательно, чтобы результаты были на этот раз серьезно гарантированы, дабы потраченные усилия не обратились снова лишь в тягостный опыт. Взависши за оружие для достижения этих целей и выдержав упорную борьбу, Россия конечно имела несомненное право обезопасить себя и взятые ею под свою защиту народы от возобновления подобных же бедствий в будущем.

Таковы были руководящие побуждения при заключении Сан-Стефанского договора. Предварительный характер этого акта, ясно указывает, что мы не имеем в виду решить вопрос самолично. Постоянные заявления нашего кабинета, что все, затрогивающее интересы Европы, будет подвергнуто общему обсуждению, доказывает в достаточной мере решимость нашу остаться верными в восточном вопросе солидарности с Великими державами, которыми мы постоянно добивались в течение 20 лет. Сан-Стефанский договор преследовал две цели: определить точным образом специально-военные пункты, разрешенные в предварительных условиях мира только в общих чертах, и связать Турцию известными обязательствами, перед Россией относительно тех оснований, на которых должна

была отныне покончена организация Балканского полуострова. Проникнутый чувствами солидарности с Европой, наш Кабинет согласился на созыв конгресса, дабы упрочить умиротворение Востока санкцией Великих Держав. Он первый поддерживал идею созыва представителей кабинетов, дабы приложить вопросу большее значение и рвениям Европы большую обязательность. Действительно, никогда еще в политической жизни Европы не было столь торжественного случая для цивилизованных народов создать мудрым и примирительным актом новую эру в летописях мирного развития человечества.

История скажет свое слово о том, насколько Берлинский конгресс оправдал эти ожидания, насколько широки были его замыслы и до какой высоты доходили его суждения; она покажет, сумели ли участники его отрешиться от эгоистических забот и завистливого соперничества, одним словом, она раскроет, на сколько наши откровения в этом собрании великодушны, чувства России, запечатленные русскою кровью. Плоды, упавшие с этого древа, — плоды нового мира.

Нынче мы ограничиваемся только констатированием ближайших результатов конгресса.

Турки потеряли свое владычество на большей части Балканского полуострова. Независимость Сербии и Румынии была объявлена, независимость же Черногории подтверждена формальным образом. Границы этих княжеств расширены, Босния и Герцеговина изъяты из под владычества турецкой администрации и освобождены от ее злоупотреблений. Болгария к северу от Балкан организована в вид отдельного автономного княжества, связанного одною только данью. Большая часть южной Болгарии, под названием Восточной Румелии, соедinenна в одну провинцию с административною автономиею и губернатором из христиан, под контролем Европы. Остальными провинциями Турции будут даны учреждения, в создании и применении которых примут участие делегаты Великих Держав. Что касается собственно России, то в Европу ей возвращена та часть территории, которая была от нее отрезана после Крымской войны, вследствие чего она вновь достигла Дуная. В Азии мы приобретаем новую территорию с портом и важными стратегическими позициями, которые обеспечивают нашу безопасность и наше развитие на будущее время.

Было бы не правильно преувеличивать значение этих результатов, но столь же несправедливо было бы их умалить.

Действительно, они далеки от того, на что Россия имела бы право рассчитывать, если бы стоили жертвы и после славной войны, они даже не вполне соответствуют интересам Востока и Европы, которые выиграли бы, если бы этот кризис кончился более радикальным и нормальным решением. Берлинский трактат имеет несомненно слабые стороны. Одна из наиболее подверженных критике заключается в том, что все разграничение основано на соображениях географических и политических, без всякого внимания к этнографическому элементу. Императорский Кабинет предлагал другое основание для разграничения, более рациональное и справедливое — принцип национальной принадлежности населения, принцип, который давал бы полную свободу развитию всех народов в их естественных границах. К сожалению, от этого принципа пришлось отказаться.

Тем не менее все зависит от того, какими образом будут исполнены постановления конгресса.

Нельзя не сказать еще раз: затруднены с которыми связано решение восточного вопроса, заключаются не в Турции, а в Европе. Каковы бы ни были представляемые или возможные осложнения, они естественно не могут превосходить размаха тех сил, которыми располагают цивилизованные народы Европы. Но влияние Европы на Восток всегда бывало парализовано чувствами взаимного недоброжелательства кабинетов. Если бы Державы соединились в общих усилиях для упрочения зачатков, положенных конгрессом дабы сделать из них источник энергии для дальнейшего прогрессивного развития народов Востока, то дело конгресса конечно не было бы бесплодным не для Европы, ни для Востока. Императорский Кабинет, ублаженный долгим опытом, что солидарность и согласие суть единственные залогов благополучия и общего мира для всего христианского Востока, являл крайнее миролюбие. Нынче его задача — блюсти, чтобы все прежние усилия не пропали даром.

В этом отношении мы достигли существенного результата. Трактат 1856 года, этот памятник политических страстей, который выражал не спра-